Архим. Θеодоръ.

СОВРЕМЕННОСТЬ
И
ХРИСТІАНСТВО.

(ПОДДѢЛКИ).

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1907.

БИБЛІОТЕКА
ПОМѢСТНОЙ ЦЕРКОВНОЙ
АКАДЕМІИ.
1708
29

СОВРЕМЕННОСТЬ И ХРИСТІАНСТВО.

(Поддѣлки).

Да не подумаетъ читатель, будто наша задача и намѣреніе въ данномъ случаѣ, когда хотимъ говорить о современности и христіанствѣ, состоятъ въ возможно полномъ и всестороннемъ освѣщеніи и оцѣнкѣ христіанскими началами и свѣтомъ всей совокупности развертывающихся предъ нашимъ взоромъ явленій общественной жизни.

Воспріимчивости одного человѣка тутъ не хватитъ,—жизнь такъ сложна и многостороння, что анализъ сцѣпляющихся явленій ея до точности и совершенства довести трудно; и каждому, сознательно относящемуся къ явленіямъ жизни, приходится или совершенно запутаться въ сложности этихъ явленій, или стать слишкомъ одностороннимъ, или дѣлать попытку отрѣшиться отъ этого разнообразія и сложности явленій и перейти мыслію въ область принциповъ. Это послѣднее пожалуй даже практичнѣе и вѣрнѣе; все равно, какъ общій видъ громаднаго города или обширной мѣстности невозможно снять на фотографію, не поднявшись на какую нибудь возвышенность или, какъ обычно говорятъ, не поднявшись на высоту „птичьяго полета“. Важно бываетъ при изученіи сложнаго предмета охватить его сразу общимъ взоромъ, не увлекаться подробностями и частностями, которыя сами собой окажутся потомъ понятными, неизбѣжными и необходимыми по существу предмета, по самой его идеѣ. Тоже самое—и въ жизни со всей сложностью ея разнообразныхъ и многообразныхъ явленій

въ ихъ причудливыхъ и неожиданныхъ сцѣпленіяхъ. Философія, въ смыслѣ-ли отвлеченной метафизической системы или съ оттѣнкомъ научной теоріи, въ лицѣ ея представителей, прекрасно понимала всегда свою задачу — осмыслить и объяснить міровую жизнь,— когда указывала главнымъ образомъ принципы и основныя положенія, а не задавалась цѣлію составить какъ бы точное и подробное росписаніе жизни съ примѣчаніями и объясненіями, въ полной увѣренности, что общій принципъ освѣтитъ всѣ частности, подобно тому какъ лучъ солнца, выглянувшій изъ за тучи, или мѣсяцъ, освѣщая мѣстность, даютъ возможность глазу разобраться въ окружающей темнотѣ. Что касается человѣческой философской и научной мысли, то вѣдь она собственно никогда не поднималась надъ жизнію человѣческой и мірской, ибо, представляя собою всегда явленіе извѣстнаго рода въ этомъ же самомъ мірѣ и въ результатахъ своихъ работъ неизбѣжно обусловливаясь вліяніемъ наличныхъ явленій жизни, она и могла говорить только языкомъ и понятіями этой же жизни. То, что давалось какъ продуктъ даже чистой идеализаціи жизни въ области философской мысли, являлось или слишкомъ туманнымъ или слишкомъ даже нереальнымъ и могло удовлетворять развѣ только кабинетнаго мечтателя или человѣка исключительной духовной организаціи, а не обычнаго строителя и участника сутолоки жизни. Да и эта мечтательная вѣра кабинетнаго идеалиста скоро, конечно, разбивалась при первомъ же соприкосновеніи съ реальными фактами жизни. Такъ и выходило всегда въ дѣйствительности, что человѣческая мысль постоянно старалась разгадать окружающую тайну жизни и проникнуть въ законы ея явленій, а сама жизнь шла и направлялась какъ то непонятно для человѣка, какою-то какъ будто другой посторонней силой, и заставляла играть людей, какъ актеровъ на сцѣнѣ. Нѣкоторыхъ, напр., законовъ и фактовъ жизни, неизбѣжныхъ и постоянныхъ, человѣчество никакъ не можетъ принять, какъ выражающихъ норму его жизни, употребляетъ всѣ усилія отвратиться и освободиться отъ нихъ, но никакъ не

можетъ ни освободиться отъ нихъ, ни примириться съ ними. Мы укажемъ въ данномъ случаѣ хотя бы на этотъ, самый жизненный и чувствительный изъ всѣхъ явленій жизни и законовъ—законъ борьбы и страданій. Вѣдь не гимны торжественныхъ и благодарныхъ—хвалебныхъ пѣсней поднимались и поднимаются къ небу съ земли, а чаще всего и громче всего вопли скорбей и страданій, ропотъ и стоны, а часто и прямо проклятія. Люди всегда думали надъ этой тайной страданій жизни, думаютъ и теперь, и, кажется, готовы признать эти страданія подлинно закономъ жизни, когда устами своихъ умныхъ людей говорятъ о законѣ борьбы за существованіе, какъ общемъ и неизбѣжномъ законѣ жизни. Но что-же дальше?! Вѣдь нуженъ же какой нибудь и смыслъ этихъ страданій, нуженъ же какой-либо просвѣтъ, который хотя нѣсколько ободрялъ бы человѣка и давалъ бы ему силу и мощь, тѣмъ болѣе, что несмотря на эти увѣренія умныхъ людей о страданіяхъ, какъ природномъ законѣ жизни, живое—то чувство человѣка всегда протестуетъ противъ этого закона. Человѣчество все-таки никогда не мирилось и не мирится внутренно съ этимъ закономъ страданій, съ этимъ заколдованнымъ какъ бы кругомъ общаго смятенія и общей скорби жизни и ищетъ всегда лучшей доли и блага жизни, *ясно показывая этимъ, что законъ страданій вовсе не выражаетъ собой всей подлинной правды о жизни человѣческой,* и что можетъ быть и должна быть другая жизнь, лучшая, что она чувствуется внутренно. И люди думаютъ, что стоитъ только изъ наличныхъ силъ и формъ жизни, найти подлинно пригодную для устройства блага жизни и оно будетъ обезпечено. Вотъ и бьется бѣдный человѣкъ въ этомъ непонятномъ для его ума и странномъ раздвоеніи и круговоротѣ жизни: сознаетъ борьбу и страданія, какъ дѣйствительный фактъ и пожалуй неизбѣжный законъ жизни, но не хочетъ примириться съ ними и всѣмъ своимъ существомъ отрицаетъ ихъ. И кажется, какъ будто ужасная печать древняго братоубійцы Каина и то печальное знамя его жизни, что онъ „стеня и трясыйся будетъ жить среди

людей“ воочію исполняется надъ всѣмъ человѣчествомъ, ибо подлинно, что „стеная и трясясь“ за благо своей жизни, за себя самого, за тѣ удовольствія и прихоти, которыми богатъ міръ, живетъ и жилъ всегда человѣкъ.

И не въ этомъ одномъ только случаѣ,—въ вопросѣ о страданіяхъ жизни,—а и во многихъ другихъ, или лучше сказать во всѣхъ прочихъ, человѣческая мысль,—научная и философская,—указывая только факты и иногда якобы общіе законы жизни, даетъ развѣ только описательное объясненіе чрезъ нихъ явленіямъ жизни, никогда по существу дѣла не проникая въ глубь природы вещей, въ самое внутреннее соотношеніе причинъ и слѣдствій, а часто просто замѣняетъ одно слово другимъ, болѣе только непонятнымъ, и гордится этимъ.

Вѣдь что, напр., касается общей человѣческой жизни и міровой, то изъ наблюденій только надъ ея дѣйствительностью, никакъ нельзя дѣлать несомнѣнныя предположенія къ тому, чѣмъ она должна быть на самомъ дѣлѣ; можно только развѣ говорить о желательности того или другого, или о томъ, чего не должно быть. Если бы мы, напримѣръ, вздумали даже дѣлать попытку построить и нарисовать идеальную картину жизни такъ, какъ она должна бы строиться, если бы не было грѣхопаденія человѣка (разумѣется, признавая за этимъ фактомъ, согласно христіанскому ученію, рѣшающее значеніе для послѣдующей судьбы міровой жизни), то все равно эта попытка у насъ оказалась бы совершенно тщетной, ибо въ наличномъ опытѣ и въ опытѣ историческомъ нѣтъ совершенно данныхъ для построенія этой картины. Тутъ можетъ работать развѣ только фантазія въ цѣляхъ созданія „золотого вѣка“ и, вѣроятно, ничего не сможетъ создать, кромѣ причудливыхъ комбинацій на тему: богатство и роскошь, сытость и довольство, веселіе и радость и т. п. И ужъ если фантазія человѣческая такъ безсильна создать что либо дѣйствительно новое и цѣнное, то творчество самой жизни и силъ ума человѣческаго въ реальной жизни дѣйствительно та-

ково, что вполнѣ можно признать правду словъ одного древняго мудреца „что было, тоже и есть, тоже и будетъ; что было сотворено тоже и будетъ сотворено и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ, о чемъ можно-бы было сказать: вотъ это дѣйствительно новое; на самомъ дѣлѣ это уже было прежде „въ вѣцѣхъ бывшихъ прежде насъ". И при самомъ внимательномъ и серьезномъ углубленіи мыслію во все, совершающееся подъ солнцемъ, этотъ мудрецъ пришелъ только къ тому довольно печальному выводу, что „попеченіе лукавое даде Богъ сыномъ человѣческимъ, еже упражнятися въ немъ... и все это суета и томленіе духа". (*Екклезіастъ*. 1 гл. 9, 10, 13 ст.).

Можетъ быть, здѣсь и много пессимизма, мы не будемъ спорить объ этомъ и пытаться объяснить его какими либо соображеніями, а что вѣрно подмѣченъ въ общемъ основной законъ жизни,—это несомнѣнно. Думается, трудно безпристрастно отрицать несомнѣнность того, что вся жизнь представляетъ собою безконечную какъ бы варіацію на одну и туже тему: счастіе и благополучіе жизни въ разныхъ его пониманіяхъ; и въ этомъ отношеніи и смыслѣ создать что-либо дѣйствительно новое и цѣнное само по себѣ, по своей природѣ, жизнь человѣческая не могла и не можетъ. Очевидно, и это едва-ли можно отрицать, что въ жизни дѣйствуетъ какое-то одно опредѣленное начало, постоянно выдерживающее свой характеръ и каждый моментъ жизни можетъ развѣ по своему только видоизмѣнять его въ тѣхъ или иныхъ причудливыхъ формахъ и проявленіяхъ.

Съ этой точки зрѣнія и наша современность можетъ представлять собою и быть разсматриваема только развѣ какъ своеобразное, соотвѣтствующее общему развитію человѣка, и, можетъ быть, болѣе сложное и интересное видоизмѣненіе того же общаго начала жизни, которое всегда дѣйствовало въ немъ и сообщало ей одинъ опредѣленный характеръ. Говорить о современности для насъ, конечно, только ближе, живѣе, а вовсе не значитъ выдѣлять ее, какъ нѣчто особенное и совершенно оригинальное въ общемъ ходѣ

исторіи; исторія не доступна для непосредственнаго воспріятія, а здѣсь все такъ ярко и интенсивно переживается и чувствуется, что въ живомъ непосредственномъ опытѣ и наблюденіи дается болѣе возможности опредѣлять тѣ начала, которыми созидается жизнь и окрашивается въ опредѣленный тонъ. И мы не безъ намѣренія ставимъ на ряду съ современностью и христіанство. Христіанство безусловно явилось въ жизни нашей, какъ новое начало и новый законъ, совершенно отличный отъ того, по которому строилась жизнь, и притомъ же законъ, несомнѣнно выражающій идеальную правду жизни. По крайней мѣрѣ на это безъ сомнѣнія указываетъ требованіе и Самого Христа Спасителя и Его Апостоловъ сначала покаяться, а потомъ уже и вѣровать во Евангеліе, вступить въ открывшееся царство Божіе. И это требованіе — „покайтеся“ (*μετανοεῖτε*—одумайтесь) значило въ обращеніи къ людямъ ничто иное, какъ приглашеніе одуматься, разобраться хорошенько въ своей жизни, сдѣлать какъ бы переоцѣнку всѣхъ цѣнностей прежней жизни,—не такую конечно, какую дѣлаютъ теперь умные люди въ духѣ Ницше,—выбросить весь хламъ прежняго содержаніи жизни и, надѣвъ на себя новое иго Христова взгляда на жизнь и отношенія къ ней, слѣдовать за Нимъ. А что христіанство дѣйствительно ввело собою новое начало жизни и установило совершенно новое отношеніе ко всѣмъ явленіямъ ея, претворяя и пересоздавая какъ бы ихъ, это видѣть не трудно. Возьмемъ хотя опять этотъ же самый законъ борьбы и страданій жизни, который неизбѣжно и невольно признается человѣкомъ, ибо переживается имъ, и въ то же время рѣшительно отрицается всѣмъ его существомъ, какъ нѣчто невыражающее правды жизни и нормы ея и непонятное въ конечной цѣли своего существованія, если искать его объясненія только въ наличныхъ явленіяхъ жизни, а не выше ея.

Вѣдь и христіанство не только не отрицаетъ страданій и скорбей жизни, а и прямо утверждаетъ ихъ, когда устами Спасителя говоритъ всѣмъ Его послѣдователямъ: „въ мірѣ скорбни будете“, или, когда

слово апостольское и проповѣдь ихъ являлась и является наипаче проповѣдію о крестѣ Христовомъ и о Христѣ распятомъ. Но очевидно въ этой же самой проповѣди христіанской о неизбѣжности страданій и въ самомъ отношеніи христіанина къ нимъ есть что-то отрадное, есть какой-то высшій смыслъ, есть что-то такое, что заставляло апостоловъ, а потомъ и всѣхъ мучениковъ и праведниковъ кровію своею свидѣтельствовать правду словъ, что они могутъ хвалиться только крестомъ Христовымъ и что даже смерть за Христа для нихъ только пріобрѣтеніе, а слово о крестѣ есть дѣйствительно сила во спасеніе и радость всякому вѣрующему.

Такъ вѣдь и во всѣхъ другихъ случаяхъ и явленіяхъ жизни: христіанство точно открыло новые какіе то горизонты, ввело въ жизнь совершенно новыя понятія, чуждыя жизни настолько, что неизбѣжна постоянная борьба духа Христова и духа міра, оно какъ бы приподняло человѣка надъ дѣйствительной жизнію на извѣстную высоту и дало и даетъ ему возможность съ этой высоты, глазами и чувствами, полными новыхъ—высшихъ и совершеннѣйшихъ воспріятій, взглянуть на жизнь дѣйствительную, увидѣть общій ходъ ея въ иномъ освѣщеніи и понять, насколько она въ дѣйствительности не выражаетъ и не выполняетъ тѣхъ идеальныхъ предначертаній, въ которыхъ выражена вся правда о ней и самый ея смыслъ. И если мы только дѣйствительно примемъ христіанство искренно и признаемъ за нимъ авторитетъ выразителя полной правды о всей жизни и о человѣкѣ, намъ не трудно будетъ разобраться и въ наличной жизни, ибо съ той идеальной высоты, на которую возвышаетъ христіанство человѣка и при томъ освѣщеніи жизни, какое оно даетъ, и главный законъ ея и главное начало ея будутъ болѣе понятны, а вмѣстѣ съ этимъ и частныя явленія ея легко будутъ поняты въ ихъ причинныхъ соотношеніяхъ. И опять повторяемъ, что современность въ данномъ случаѣ вовсе не представляетъ чего-либо совершенно исключительнаго въ своемъ хотя-бы отношеніи къ христіанству въ томъ общемъ процессѣ

усвоенія христіанскихъ началъ исторической жизнію человѣчества, который (процессъ) начался со времени христіанства. Намъ думается, что весь многовѣковой процессъ усвоенія исторической жизнію человѣческой христіанства и его началъ есть въ тоже время постоянный процессъ, постоянная попытка, постоянная историческая тенденція человѣчества *къ поддѣлкѣ христіанства*, къ приспособленію его къ своимъ чисто человѣческимъ запросамъ и вкусамъ, выражаясь языкомъ богословскимъ, по „духу міра сего". Церковь православная всегда стояла на стражѣ и зорко слѣдила за этими попытками подмѣны и поддѣлки христіанства въ угоду своимъ вкусамъ или запросамъ ограниченнаго ума и воли.

Небесный лучъ христіанскаго свѣта всегда могъ въ зависимости отъ человѣка и по его волѣ преломляться въ направленіи своемъ къ земной человѣческой жизни подъ тѣмъ или инымъ угломъ и нужно было всегда зорко слѣдить за этимъ, иначе вмѣсто христіанства вводилась бы въ жизнь поддѣлка его.

Для знакомаго съ исторической жизнію церкви христіанской нѣтъ нужды доказывать, какъ настойчиво всегда заявляла себя эта тенденція къ поддѣлкѣ христіанства; это является какъ бы постояннымъ закономъ отношеній человѣческой мысли и воли къ христіанству. Объ этомъ говорятъ всѣ ереси и лжеученія, объ этомъ серьезно заставляетъ подумать теперешнее современное намъ, такъ называемое, „обновленческое" движеніе въ области церковной жизни, зиждущееся на недовольствѣ „историческимъ" христіанствомъ, якобы вовсе не выражающимъ собою подлиннаго христіанства, христіанства Самого Христа и Евангелія, а только представляющимъ собою однобокое какое-то, слишкомъ узкое пониманіе его съ утировкой въ пользу неба, духа и аскетизма. Естественно, конечно, отсюда попытка своего, якобы чистаго, подлиннаго христіанства, а отсюда полная возможность новой поддѣлки христіанства. Поэтому - то каждая эпоха непремѣнно можетъ быть разсматриваема не только съ точки зрѣнія того, насколько про-

никнута она христіанскими началами и какъ ихъ воплотила въ себѣ, но и съ точки зрѣнія того, какъ дѣлалась поддѣлка христіанства, въ какомъ направленіи велось это приспособленіе христіанства къ жизни. Право на это даетъ и свидѣтельство исторіи, и явленія современной жизни, хотя бы въ указанномъ уже явленіи „обновленческаго“ стремленія. Вѣдь и самое „обновленческое“ движеніе можетъ быть вполнѣ законно разсматриваемо, какъ одно изъ проявленій этогоже общаго закона усвоенія христіанства — жизнію. А такъ какъ наша современная жизнь далеко не исчерпывается только этимъ движеніемъ въ области чисто церковной, а затрагиваетъ христіанство и другими сторонами и, можетъ быть, наиболѣе даже выпукло иллюстрируетъ эту постоянную тенденцію человѣчества претворить по своему вкусу христіанство, то намъ и представляется интереснымъ, а можетъ быть и полезнымъ поразобраться и посмотрѣть, *какъ христіанство теперь входитъ въ жизнь, какъ этотъ лучъ свѣта преломляется въ живомъ сознаніи современной дѣйствительности, къ чему направляется поддѣлка и какъ нужно относиться къ этому.* Разумѣется, будемъ говорить о принципахъ и въ христіанствѣ и въ современной жизни, а частности допускать только для иллюстрацій.

Если мы должны принимать и принимаемъ христіанство, какъ абсолютную истину, и въ немъ находимъ какъ бы точку опоры, или тотъ высшій пунктъ, съ котораго можемъ обнять всю жизнь человѣческую по существу ея содержанія и законовъ, можемъ уяснить себѣ ея разнообразныя явленія, то, кажется, современная жизнь намѣренно хочетъ или понизить высоту этого пункта, или поколебать эту точку опоры, подпирая ее совершенно безъ надобности, своими гнилыми подставками. Работа ведется очень дружно и поддѣлка христіанства идетъ успѣшно, ибо она расчитана на живые, очень чувствительные запросы человѣка все на туже постоянную тему: благо и довольство жизни.

Божіе откровеніе внесло въ жизнь человѣческую чисто

моральное понятіе грѣха, обозначая имъ извѣстное, строго опредѣленное настроеніе и направленіе воли и всей вообще жизни человѣка и указывая въ немъ коренную причину измѣненія хода жизни въ самомъ міровомъ бытіи и ближе всего въ жизни человѣка. Это строго опредѣленное понятіе о грѣхѣ христіанство беретъ главной точкой своего отправленія, въ борьбѣ съ грѣхомъ видитъ и главный смыслъ историческаго процесса человѣческой жизни (по крайней мѣрѣ такъ именно разсматривается съ этой основной идеи жизнь человѣческая въ Библіи), ради этого-же вводитъ и Христа въ міръ и все то, что извѣстно у насъ подъ именемъ „домостроительства спасенія".

Но то самое, что для первыхъ носителей духа Христова, Его ученія и жизни по нему, а равно и для всякаго искренно вѣрующаго Христу, было непререкаемой истиной и о чемъ ими открыто свидѣтельствовалось, теперь въ современной жизни стало какъ будто и сомнительнымъ, и ложнымъ.

Разумѣемъ то именно, что такъ хорошо сказано о Христѣ устами св. Апостола Павла: „вѣрно слово и всякаго пріятія достойно, что Христосъ Іисусъ пришелъ въ міръ грѣшниковъ спасти" (1 Тим. 1, 15—17). И если кто другой могъ еще сомнѣваться въ цѣли этого пришествія Христа Іисуса на землю, то только не Ап. Павелъ, ибо онъ по собственному опыту узналъ и слишкомъ ясно и ощутительно самъ пережилъ, какъ Христосъ Іисусъ сдѣлалъ изъ него — прежняго хульника, досадителя и гонителя Церкви Христовой—великаго Своего служителя и Апостола. Это исповѣданіе великаго Апостола раздѣляетъ и подтверждаетъ историческій разумъ всей Церкви Христовой: разумъ апостола, ихъ преемниковъ, св. отцевъ церкви, цѣлыхъ соборовъ и, даже раньше, разумъ ветхозавѣтныхъ пророковъ и событій ветхозавѣтной исторіи. Иначе и быть не могло, ибо это значило-бы отступить отъ разума самого Христа, неоднократно говорившаго, что Сынъ Человѣческій пришелъ не праведныхъ, а грѣшныхъ взыскать, что Онъ пришелъ не судить міръ, но спасти міръ. Этимъ разумомъ Христова прише-

ствія на землю живетъ и теперь церковь и должна жить и оберегать его, если она хочетъ строить дѣло Христово и созидать то спасеніе, ради котораго пришелъ Господь. И сколько-бы люди, именующіе себя христіанами, не выдумывали своихъ собственныхъ измѣненій о Христѣ и христіанствѣ, какъ бы не приплетали это святое имя Спасителя міра къ великимъ по ихъ мнѣнію цѣлямъ служенія людямъ въ дѣлѣ ихъ общественнаго, гражданскаго и всякаго другаго внѣшняго переустройства, все это будетъ въ нѣкоторомъ родѣ кощунственнымъ посягательствомъ на Христа и Его свободу, насильственное какъ бы отвлеченіе Его отъ того дѣла, на которое Онъ пришелъ, будетъ насиліемъ надъ Нимъ. Мы потому и говоримъ объ этомъ, что въ жизни разумъ человѣческій и воля постоянно борются съ разумомъ Христовымъ, а въ данномъ случаѣ эта борьба ведется особенно настойчиво; а въ современной жизни она приняла характеръ особой остроты и даже какъ будто какой-то законности.

Теперь особенно упорно и настойчиво не хотятъ признать за Христомъ только этого дѣла—„спасенія Имъ міра отъ грѣха“—и съ какимъ-то непонятнымъ ослѣпленіемъ и взаимнымъ ожесточеніемъ непремѣнно хотятъ вплести это святое и чистое имя въ круговоротъ человѣческихъ страстей, имъ освятить свое собственное пониманіе жизни, его написать на томъ флагѣ, который они дѣлаютъ символомъ своихъ житейскихъ стремленій и убѣжденій. Можно быть увѣреннымъ пожалуй, что вслѣдъ за такимъ дикимъ измышленіемъ, какъ „христіанскій соціализмъ“, появится „христіанскій терроризмъ“, „христіанскій анархизмъ“, ибо для изворотливаго человѣческаго ума всегда найдется возможность чистое загрязнить, святое опошлить и правду извратить, не стѣсняясь авторитетомъ и Божія откровенія.

Въ этомъ есть что-то чисто бѣсовское, сатанинское, лукавое, весьма похожее на то, что пытался сдѣлать въ пустынѣ лукавый духъ, когда старался отклонить Спасителя отъ смиреннаго, скорбнаго пути спасенія

человѣка отъ грѣха и діавола и поставить Его на путь служенія житейской необходимости и мірской власти надъ человѣкомъ.

Обычно мы мало вдумываемся въ эту Евангельскую исторію искушеній Господа отъ діавола въ пустынѣ, даже и послѣ того, какъ и свѣтская литература въ лицѣ великаго Достоевскаго, чисто пророческимъ, вдохновеннымъ словомъ раскрыла намъ глубокій философскій смыслъ этой сокровенной отъ глазъ міра и рѣшительной встрѣчи Господа съ діаволомъ въ пустынѣ. („Братья Карамазовы" соч. Достоевскаго, глав. о великомъ инквизиторѣ").

А между тѣмъ эта исторія весьма хорошо объясняетъ, чѣмъ лукавый духъ міра въ лицѣ діавола подкупаетъ и порабощаетъ себѣ духъ человѣка и какъ, плѣнивши его, разрушаетъ дѣло Божіе на землѣ и царство Божіе. Намъ хочется хотя вкратцѣ напомнить главные моменты этой таинственной исторіи. Христа искушалъ діаволъ прежде всего хлѣбомъ, склоняя Его употребить божественную свою силу на служеніе своему чреву и тѣмъ признать интересы и нужды плоти и внѣшней жизни выше интересовъ духа и спасенія. Хлѣбами дѣйствительно можно увести человѣка, куда угодно, и люди всюду пойдутъ за человѣкомъ, имѣющимъ возможность всегда накормить ихъ, какъ и выразилъ эту мысль прямо Христосъ слѣдовавшему за нимъ народу послѣ чудеснаго насыщенія 5000 чел. въ пустынѣ: Онъ прямо обличилъ ихъ скрытое побужденіе влеченія ко Христу, сказавъ: „вы ищете Меня потому что ѣли хлѣбы".

Это—современный идолъ, которому непрестанно кланяется человѣкъ, за котораго продаетъ не только совѣсть свою, душу свою, милосердіе и правду, но и самого Христа. Мы не можемъ такъ же дерзновенно сказать искусителю этого рода: „*не хлѣбомъ будетъ* живъ человѣкъ, но словомъ Божіимъ", какъ сказалъ Христосъ; скорѣе скажемъ наоборотъ, или погрѣшимъ противъ правды, сказавши первое.

Искушалъ Христа діаволъ тщеславіемъ и гордыней, предлагая Ему ринуться съ кровли храма и, остав-

шись безъ вреда, этимъ суетнымъ, самохвальнымъ и безполезнымъ чудомъ привлечь себѣ поклоненіе народа и повести его за собой, какъ безсмысленное стадо, пораженное и ослѣпленное необычайнымъ чудомъ. Итакъ Богъ разума и свободы стяжалъ бы себѣ слѣпое поклоненіе наэлектризованной необычайнымъ явленіемъ стадной толпы и не было-бы тутъ мѣста духу Божію, ибо гдѣ онъ, духъ Божій, тамъ и свобода. Люди не въ силахъ побѣдить этого искушенія, какъ его побѣдилъ Христосъ и идолъ суетной славы крѣпко приковываетъ ихъ къ себѣ.

Искушалъ Христа діаволъ и властолюбіемъ, обѣщая дать ему весь міръ за поклоненіе себѣ. И отвергъ Господь властно это дерзкое предложеніе лукаваго, ибо какъ же Онъ могъ бы спасти міръ отъ діавола, Самъ поклонившись ему. И какъ бы Онъ могъ потомъ говорить, что пришелъ послужить всѣмъ и положить душу свою за всѣхъ. Это начало жизни, этотъ путь смиренія и служенія, намъ понятенъ мало и съ трудомъ принимается и мирится съ нашимъ настроеніемъ; и мы обычно не только сами кланяемся за власть и господство сатанѣ, но продаемъ за нихъ и Христа, и правду Его, и ближнихъ своихъ.

И вотъ эти собственныя свои немощи и тѣ самыя начала нашей жизни, которыми искушался Христосъ, вступавшій въ круговоротъ общественной человѣческой грѣховной жизни, съ цѣлію подмѣна ими принесенныхъ Христомъ въ міръ своихъ началъ, люди снова и думаютъ навязать Христу. Вѣдь теперь всюду въ экономической ли, соціальной-ли, политической ли борьбѣ именемъ Христа стараются всѣ укрыться, Его якобы ученіемъ оправдать и освятить свои собственныя измышленія и заблужденія, Его стараются вовлечь въ войну и миръ, въ права и власть, Его именемъ судить и казнить, разбирать житейскія дѣла, тогда какъ Самъ Онъ говорилъ, что не за этимъ Онъ пришелъ, чтобы судить, а чтобы спасти міръ.

Какъ будто этого одного мало, что Христосъ пришелъ спасти міръ, намъ хочется больше отъ Христа. Мы какъ будто не понимаемъ, что спасти міръ отъ

грѣха это и значитъ сдѣлать все, сдѣлать то самое главное, чего и не достаетъ жизни нашей, что и мы собственно хотимъ сдѣлать съ ней, только не можемъ и не понимаемъ, какъ это сдѣлать.

Вотъ здѣсь-то и проявляется очень ощутительно та основная настроенность человѣка и тотъ характерный законъ его жизни, съ которымъ человѣкъ всегда намъ извѣстенъ, съ того самого момента, когда вошелъ въ міръ грѣхъ и историческая дорога человѣчества свернула съ прямого пути.

Люди все стараются передѣлать по своему вкусу, стараются все приспособить къ себѣ и слишкомъ упорно отстаиваютъ во всемъ свою собственную волю и свое разумѣніе. Такъ началась съ этого именно своеволія и самомнѣнія и исторія человѣческая, когда человѣкъ по своему захотѣлъ понять задачу своей жизни, захотѣлъ быть самостоятельнымъ носителемъ своей жизни, явить въ ней свою собственную правду разума и воли, а не правду Божію о себѣ, и вотъ въ первый же разъ проявилъ эту свою самостоятельность рѣшительнымъ угожденіемъ чувственности, подчиненіемъ духа своего плоти и въ этомъ направленіи продолжалъ и всегда продолжаетъ являть свой разумъ и волю о жизни. Эта поддѣлка Божія закона и Божіей правды о жизни человѣка своей собственной правдой и разумомъ хорошо извѣстны всѣмъ въ дальнѣйшихъ результатахъ и мы, б. м., потомъ позднѣе сдѣлаемъ попытку психологическаго уясненія этого факта, а теперь рѣчь не объ этомъ. Мы говоримъ только, что указанный нами характеръ жизни человѣка—его стремленіе все передѣлать по своему—остается и теперь. Человѣкъ всегда чувствуетъ, что въ жизни что то неладно, неправильно, не такъ она идетъ, но все-же не хочетъ отказаться отъ мысли самому исправить свою жизнь. И вотъ, когда въ объясненіе зла говорили и говорятъ человѣку, что „грѣхъ вниде въ міръ и грѣхомъ смерть“ и грѣхомъ же всякое прочее страданіе и смятеніе и указывали ему пути спасенія отъ грѣха, онъ не хотѣлъ и не хочетъ принимать этого, а самъ въ безсиліи и злобѣ неустанно

ищетъ своихъ путей ко спасенію и въ отчаяніи погибаетъ. И даже то самое, что въ дѣйствительности, какъ сказано, представляетъ намъ исторія міровой жизни, такъ откровенно изложенная на страницахъ Библіи,—именно постоянную борьбу добра съ зломъ и грѣхомъ, — люди понимаютъ только, какъ борьбу однихъ какихъ-то внѣшнихъ экономическихъ, историческихъ или какихъ-то соціальныхъ законовъ жизни. Въ изученіи этихъ внѣшнихъ только законовъ общественной исторической жизни люди совершенно забываютъ только живую душу человѣка, съ царствомъ въ ней зла и грѣха или правды и добра, которые она можетъ износить на общій рынокъ человѣческой жизни. Да теперь въ современной жизни эти отвлеченные вопросы о добрѣ и грѣхѣ и не въ модѣ. Давно уже умные люди стараются отдѣлаться отъ нихъ, выкинуть ихъ, какъ негодный хламъ, за бортъ человѣческаго обихода жизни, переоцѣниваютъ ихъ по своему и навѣшиваютъ на нихъ билетики нисшей пробы въ смыслѣ производнаго характера всѣхъ этихъ моральныхъ понятій, какъ продукта тѣхъ же все внѣшнихъ экономическихъ началъ жизни. Можно сказать пожалуй безъ преувеличенія, что теперь почти совсѣмъ уже изгнано изъ общественнаго обихода жизни понятіе *о грѣхѣ, о нравственно добромъ и зломъ*. Говорятъ о полезномъ и вредномъ, о приличномъ и неприличномъ, о разумномъ и неразумномъ, пожалуй иногда о нравственномъ и безнравственномъ въ томъ же смыслѣ нарушенія житейской благопристойности, но никогда почти не говорятъ *о грѣхѣ и о спасеніи отъ него*. Само собой понятно, что мало по малу эти послѣднія понятія начинаютъ терять свою жизненную, реальную силу, тѣмъ болѣе, что рѣдко кто борется со грѣхомъ, чаще уступаетъ ему безъ борьбы, происходитъ какъ бы атрофія въ этомъ отношеніи и приходится уже въ христіанствѣ отыскивать другія стороны, такъ сказать, прикладныя и ихъ выдвигать на первый планъ и пускать въ жизнь, конечно, съ своей-же поддѣлкой. Такъ вѣдь и распадается христіанство у современныхъ дѣятелей и мыслителей на

множество отдѣльныхъ, несомнѣнно добрыхъ идей, но только безжизненныхъ, ибо нельзя этотъ цѣльный хитонъ Христовъ разрывать на лоскутки и ими прикрывать свою наготу, нельзя сдѣлать отдѣльныя христіанскія идеи живыми внѣ Христа и безъ живой связи съ ними. А это самое, кажется, теперь и хотятъ сдѣлать. Если бы только люди почаще заглядывали въ свою душу и борьбу со грѣхомъ сдѣлали прямымъ своимъ дѣломъ, а не изгоняли этого понятія изъ жизни, то они узнали-бы и силу грѣха въ жизни, поняли бы почему и жизнь плоха, поняли бы, что въ спасеніи отъ грѣха и только въ этомъ одномъ заключается и лучшее разрѣшеніе всѣхъ тѣхъ, такъ называемыхъ, „проклятыхъ вопросовъ“ жизни, которыми мы мучимся въ области соціальной, государственной, семейной и личной. Если бы мы принимали Христа въ Его собственномъ разумѣ и въ разумѣ церковномъ, а не въ своемъ собственномъ, Христа пришедшаго ради грѣха, и приняли цѣльностью все Имъ сказанное, мы, вѣроятно, и поняли-бы ту внутреннюю силу Его, которая пересоздавала жизнь и людей и куда-то устраняла отъ нихъ всѣ эти „проклятые вопросы“. *Мы, вѣроятно, поняли-бы, что христіанство тѣмъ и велико въ соціальной даже жизни, что оно дѣлаетъ соціальный вопросъ личнымъ вопросомъ, выдвигая личность человѣка на первый планъ и въ ней сосредоточивая всю жизнь со всѣми ея нитями и пружинами. Вопросъ же личный сводится въ христіанствѣ къ воззданію самой личности человѣческой по идеалу богоподобія ея, короче—къ попранію грѣха. Само собой отсюда понятнымъ становится, что соціальный вопросъ въ Христіанствѣ превращается въ вопросъ спеціально моральный, который теперь такъ упорно замалчивается или обратнымъ совершенно путемъ искусственно превращается въ вопросъ экономическій—соціальный.* Какъ видимъ, превращеніе, сдѣланное человѣческимъ разумомъ и волею, направляетъ рѣшеніе этого вопроса совершенно въ противоположную сторону. Вотъ почему и принимается Христосъ на землѣ или какъ просто великій и мудрый учитель, или какъ

реформаторъ въ соціальной области и не принимается какъ Спаситель отъ грѣха и діавола. А отсюда, конечно, не далеко-уже и шатаніе на Христа и возстаніе на Него, когда оказывается, что нельзя Его именемъ судить міръ и прикрывать свои страсти, или когда поддѣланное христіанство не удается. У тѣхъ немногихъ, которые не посягаютъ кощунственно на чистоту Лика Христова и принимаютъ Его такъ, какъ Онъ есть, по разуму откровенія и церкви, христіанство удается, какъ свидѣтельствуетъ сама жизнь. Не удается оно только въ силу этого кощунственнаго посягательства на Христа, за поддѣлку Его Лика, за то, что къ Пречистому Лику Христову человѣчество, не только конечно современное, касается нечистыми руками. И кто знаетъ во что еще можетъ обратиться жизнь наша за это самое наше преступленіе, что мы оболгали тайну спасенія во Христѣ и правду явленія Его на землѣ. Не пришлось бы пережить то именно, что говоритъ апостолъ: „если мы *въ этой жизни только* (и для этой только жизни) надѣемся на Христа; то мы несчастнѣе всѣхъ человѣковъ“ (1 Кор. 15, 19). Такъ можетъ поддѣлка христіанства въ смыслѣ узурпаціи его для земныхъ только цѣлей, для однихъ внѣшнихъ жизненныхъ инстинктовъ, покарать человѣка, а развѣ эта поддѣлка христіанства только въ этомъ одномъ пунктѣ?! Далеко нѣтъ...

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

Оттискъ изъ № 4 журнала Христіанинъ за 1907 г.

Печатать дозволяется. Виѳанія. Марта 15 дня 1907 года. Цензоръ Ректоръ Виѳанской Духовной Семинаріи, Протоіерей *А. Бѣляевъ.*